

Екатерина Денисенко

**Доминиканцы в Несвиже:
трансформация монастырского комплекса
во времена Российской империи**

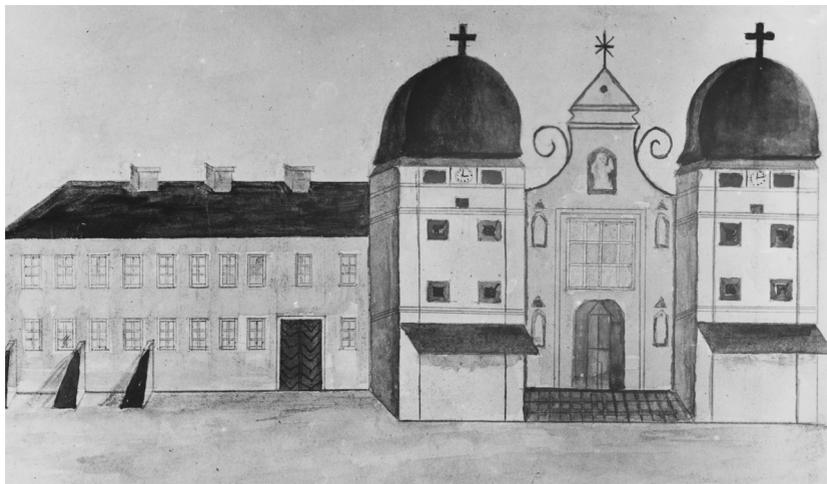
Монастырь доминиканцев в Несвиже находился в центральной части городского ансамбля за Ратушей, где сейчас располагается кинотеатр, гостиница и магазин. На территории города он появился позже всех католических святынь других орденов – иезуитов, бенедиктинского и бернардинского. Орден был основан святым Домиником, который происходил из богатой кастильской семьи де Гусман. Официальное латинское название ордена – *Ordo fratrum praedicatorum* (орден братьев-проповедников). Его устав был утвержден в 1216 году папой Гонорием III. Орден носил строгий нищенствующий характер, однако с конца XV века его представителям разрешалось иметь определенную собственность и источники доходов. Доминиканцы видели своей задачей

проповедь Евангелия и изучение наук с целью подготовки грамотных проповедников.

Самая ранняя миссия доминиканцев на территории белорусских земель (после Вильни) появилась в Островце (1474) по приглашению и на пожертвования воеводы киевского Мартина Гаштольда [3].

После Брестской церковной унии 1596 года количество доминиканских монастырей увеличивалось, они входили в Польскую провинцию, затем в 1647 году была создана Литовская провинция, охватывавшая территорию северных и западных белорусских земель. К Литовской провинции принадлежал и монастырь в Несвиже, который был основан подстолием смоленским Базылем Шарапой Бокановским в 1672 году [7, с. 366]. На его средства стал возводиться сам монастырь и его главная святыня – костел Иоанна Крестителя, который изначально был деревянным [11]. Храм был освящен в 1680 году епископом Николаем Слупским. Каменный костел был сооружен по данным виленского архивиста Э. Лопатинского ксендзом-доминиканцем Людвигом Гринцевичем «по собственному желанию» монахов и по стилю напоминал «тип костелов доминиканских, которые часто встречаются в стране», и барокко, так как сам архитектор учился в свое время в Италии и соединял традиции архитектуры барокко с элементами местной архитектуры [23, с. 8–9].

В доминиканских монастырях на территории Беларуси схема монастырской застройки и устройства внутреннего двора была схожей. Обходная галерея была преобразована во внутренний коридор, соединявший кельи и внутренние помещения монастыря с костелом. Костел и монастырский корпус раз-

Доминиканский монастырь с костелом св. Иоанна Крестителя

мешались отдельно друг от друга и соединялись посредством коридора, кельи монахов имели отопление, отхожие места устраивались рядом с жилыми помещениями, но выносились за пределы монастырского корпуса. Орденские монастыри, несмотря на их организацию на городских территориях, как правило, имели свои огороды или сады [6]. В Несвиже на территории монастыря насчитывалось два сада.

По архитектуре главный храм представлял собой трехнефную прямоугольную в плане базилику, накрытую двухскатной крышей, а со стороны фасада располагались две башни, в одну из которых были встроены часы [24, с. 52]. Полукруглая алтарная часть объединялась с центральным нефом общей крышей, в середине которой возвышался купол на световом барабане, возможно, надстроенный позже [3]. Под костелом

находилась большая крипта с захоронениями клириков, которые были перенесены на городское кладбище, после того как он был перестроен в православную церковь. Отдельно располагалась деревянная колокольня, сгоревшая в 1878 году.

Внутреннее убранство костела было богатым. Для росписей стен и сводов был приглашен известный в те времена художник Доминик Ксаверий Геский, который жил и работал в Несвиже в 1733–1764 годах, он же создал ряд портретов для фамильной галереи князей Радзивиллов. Костел украшали фрески на темы из истории ордена, портреты святых, иконы, выполненные Юзефом Геским, сыном Доминика Геского. В интерьере присутствовали одиннадцать алтарей, амвон, выполненный в технике стукко, пол из так называемого «шведского» мрамора. В инвентарной описи костела за 1804 год есть описание: *«Изнутри костел целиком расписан – на сводах от Главного алтаря до органного хора жизнеописание св. Иоанна Крестителя. В куполах боковых каплиц следующее: в одной – Богоматерь Ружанцовая, в другой – Слава святого имени Христа написаны. На сводах за филярами с одной стороны – сцены из жизни св. Отца Доминика, с другой – св. Фомы Аквинского написаны»* [2]. Вверху над хорами находилось изображение распятого на большом кресте Христа, у ног которого располагались две фигуры ангелов, оплакивающих его смерть [24, с. 53]. С двух сторон креста между пилястрами – две статуи святых епископов из искусственного мрамора. Над крестом на карнизе находилось изображение креста Христова в Иордане, а под самым сводом – Бога Отца, окруженного ангелами, выполненными из гипса. Дарохранительница (табернакль), расположенная в алтарной части,

была богато украшена. Здесь же находилась серебряная храмовая утварь для совершения разных обрядов. Изображения в больших алтарях были покрыты позолотой и серебром. В алтаре Ружанцовой Богоматери стоял бюст Богородицы со сложенными в молитве руками и головой в белом прозрачном покрывале. Также в интерьере находились гипсовые статуи святых, а над ризницей висели два портрета: гетмана Михаила Казимира Радзивилла и Базыля Бокановского – основателя монастыря [19, с. 64]. В коридорах самого монастыря и трапезной стояли бюсты покровителей ордена.

Площадь территории монастыря и хозяйственных построек с огородами занимала четыре морга (более 2 га). В монастыре проживало достаточно большое количество монахов. Среди членов монастырской общины выделялись монахи, священники, клирики и братья-миряне, которые помогали в обслуживании территории монастыря и костела. В 1773 году в монастыре насчитывалось 30 монахов, из них 13 священников, 10 клириков и 7 братьев-мирян. В середине XIX века среди 14 насельников монастыря выделялся один префект поветовой школы и семь учителей. Количество мирян увеличилось до 13 человек: 10 мужчин и 3 женщин.

Монастыри выполняли ряд светских функций, открывая учебные заведения, больницы, богадельни, приюты. Доминиканские школы были достаточно популярными учебными заведениями и занимали одно из лидирующих мест по количеству учеников среди других орденских школ, уступая первенство иезуитам, базилианам и пиарам (до середины XIX столетия) [22, с. 148]. В Несвиже на территории монастыря имелась своя небольшая библиотека и шко-

ла, организованная по инициативе монахов (после первого раздела Речи Посполитой с 1773 года гимназическая, а впоследствии поветовая), большинство учеников которой являлись мелкими шляхтичами [21, с.67]. Для ее поддержки князь Доминик Радзивилл в 1809 году создал специальный фонд. Ежегодно в ней обучалось более 100 учеников, которые получали качественное образование. Сама школа просуществовала более полувека. Обучение проходило на польском языке. Отношение русского правительства к католическим учебным заведениям первоначально было лояльным. На присоединенных землях правительство Екатерины II, несмотря на настороженное отношение к Римско-католической церкви и монашеским орденам, не мешало их деятельности. [14] Восстание 1830–1831 годов спровоцировало кардинальные перемены в образовательной и конфессиональной политике российского правительства. Православная церковь и правительство должны были обеспечить себе в сфере образования доминантную роль и ограничить влияние пропольского католического духовенства. В итоге к 1850 году в западных губерниях было ликвидировано 50 школ, которые относились к католическим монашеским орденам [25, с. 414–416]. Указ о закрытии несвижской доминиканской школы был подписан царскими властями 1 мая 1832 года, и через три года он окончательно вступил в силу [5, с. 257]. К этому моменту обучение проходили почти 200 учеников.

Несмотря на эти события, орденский монастырь оставался достаточно крупным и значимым на территории западных белорусских земель. Известно, что в

1842 году монастырю принадлежало 268 волок земли и 12 тыс. рублей капитала, а в разные периоды времени здесь проживало от 11 до 17 монахов и 8 клириков. В августе 1843 года здание костела и монастыря было повреждено пожаром и частично исправлено за счет монахов, чтобы можно было проводить богослужения [10].

К 1867 году в доминиканском монастыре было 46 насельников, из которых 44 хотя и проживали там, но принадлежали к разным орденам [9]. Это было связано в первую очередь с государственными мероприятиями по ограничению влияния католичества на общественно-политическую ситуацию на присоединенных землях. Восстание 1830–1831 годов, а вслед за ним восстание 1863–1864 годов негативно повлияли на монашеское духовенство, итогом чего стала ликвидация монастырей и введение новых ограничений со стороны царского правительства. По указу от 17 июня 1842 года монастыри делились на штатные и заштатные. Последние ликвидировались, если в них оставалось менее восьми монахов [20, с. 47–48]. В результате насельниками Несвижского монастыря стали бенедиктинцы, цистерцианцы, бернардинцы и францисканцы, в том числе из близлежащих монастырей. Но наибольшую часть среди монашеского духовенства составляли доминиканцы (40 %). Девять из двадцати представителей духовенства в разные периоды времени работали учителями. Преподавали не только Закон Божий, но и физику, математику, географию, французский и польский языки, словесность. Все это вполне соответствовало статусу ордена, основной деятельностью которого являлась проповедь Евангелия, изучение наук, образовательная и миссионерская де-

тельность. Кроме доминиканцев в монастыре находились бернардинцы (27 %) и бенедиктинцы (23 %), а также по два представителя цистерцианцев и францисканцев (по 5 %). Монастырь возглавляли настоятель и вице-настоятель, а среди проживающих насчитывалось 23 монаха, 6 представителей парафиального духовенства, клирик и 12 послушников [1, с. 8, 17]. Все это говорит о том, что монастырь был крупным центром католичества для своего времени.

Начиная с 1864 года на западные присоединенные губернии распространялся принцип подчинения образования православной церкви. В рамках провозглашенной политики «располячения» костела приоритетным направлением стали попытки введения в католическое богослужение русского языка. Характерной чертой этих попыток в 60–70-е годы XIX века было стремление властей использовать католическое духовенство.

Уже Особая комиссия по делам римско-католического духовенства, созданная в январе 1866 года, занималась рассмотрением вопроса о замене польского языка в дополнительном католическом богослужении русским [18, с. 141, 142]. Сторонники реформы утверждали, что польский язык в костеле остается мощным средством полонизации: *«Это полонизация, пережившая Польшу, это ее невидимые границы 1772 г.»* [8].

Особенно заметную роль в попытках введения русского языка в дополнительное католическое богослужение сыграл ксендз Фердинанд Сенчиковский. Он обратил на себя внимание российских властей в первую очередь своими многочисленными обращениями по вопросу «располя-

чения» костела. В 1870–1871 годах Сенчиковский направил в Министерство внутренних дел ряд писем-доносов на ксендзов. В 1871 году он сам посетил Министерство и Департамент иностранных вероисповеданий и вручил их руководителям так называемые «Записки», утверждая, что воспринимает *«русское дело»* как свое родное и именно потому стремится очистить католицизм от *«польско-иезуитской окраски»*. Вместе с уничтожением польского языка, по его мнению, *«произойдет наше слияние в единое Великорусское государство, и только тогда наш край навсегда будет потерян для Польши»* [16]. Приложение к этой Записке представляло собой настоящий донос на коллег. Оно было переполнено многочисленными обвинениями в адрес духовенства в противодействии *«русскому делу»* и предлагало закрытие всех монастырей, и в первую очередь в Несвиже [15]. В 1870 году Сенчиковский, по его собственным словам, решил *«ударить на духовенство»*. Он угрожал взысканиями и возмездием упорствующим ксендзам, которые не желали переходить на русский язык богослужения.

Капеллан Кимбаровского женского монастыря Ф. Урбикович отказался совершать молитвы по-русски за императора. За это ксендз предлагал сослать его в Несвижский доминиканский монастырь во избежание пагубного влияния на другие монастыри, уже перешедшие на русский язык. Викарный священник Копыльского костела И. Каждайлевич не только *«больно обругал ревизора»*, но и, *«разъезжая по приходу, подстрекал прихожан против русского языка...»*. Не приводя никаких документальных свидетельств

этой «пропаганды», Сенчиковский самоуправно выслал Каждайлевича в Несвижский монастырь. В декабре 1870 года ксендз добрался и до самого монастыря. Как он сам писал: *«...Несвиж – это столица полонизма, источник всех интриг и противодействий Правительству. Это – гнездо польской пропаганды, над которым царствует ксендз Шимкевич. Это, наконец, яма, полная всякого рода польско-иезуитской грязи, которую необходимо закрыть, дабы заразительный польский воздух не распространялся по нашему русскому краю»* [4].

Далее, в июле 1876 года, Сенчиковский был назначен на должность визитатора костелов Минской губернии. Эта должность вводилась специально для него. Визитатор должен был посещать костелы губернии и требовать проведения дополнительного богослужения на русском языке. Если местный настоятель соглашался, то костел попадал в категорию тех, где дополнительное богослужение велось по-русски. Возвратиться потом к польскому языку было уже невозможно. Если визитатор встречал сопротивление, он обращался к властям. В результате непослушного настоятеля отправляли в доминиканский монастырь в Несвиже, который был превращен в тюрьму для духовенства, а богослужение на русском языке проводил сам визитатор. Премники высланного ксендза уже были обязаны вести службу на русском языке. Если таковых не находилось, костел закрывался.

В 1876–1877 годах русскоязычное дополнительное богослужение происходило только в 10 костелах Минской губернии. Причем прихожане зачастую игнорировали эти

костелы. Польскость в этот период на белорусских землях так сильно отождествлялась с католицизмом, что русскоязычные костелы в сознании многих переставали восприниматься как католические [18, с. 148]. Похожая ситуация была и в Несвижском доминиканском монастыре. Сенчиковским сюда был направлен органист крестьянин Иван Гладкий из школы органистов, которую курировал сам ксендз. Благодаря их общим стараниям язык совершения дополнительного богослужения стал русским, так как ксендз считал, что органист должен быть помощником в деле продвижения русского языка [12]. В итоге под давлением Рима его деятельность была постепенно свернута из-за излишней напористости и злоупотреблений своим положением.

В 1873 году монастырь был закрыт царскими властями, а костел переоснащен под православный храм. 3 июля 1875 года в жилом здании монастыря открыли учительскую семинарию, в которой готовили учителей начальной школы. О ее открытии было опубликовано объявление, где говорилось: *«От попечителя Виленского учебного округа сим объявляется, что в заштатном городе Несвиже Минской губернии Слуцкого уезда открывается учительская семинария, имеющая целью приготовление учителей в начальные училища Виленского учебного округа, преимущественно Минской губернии»*. Сюда принимались только лица мужского пола православного вероисповедания, окончившие высшие начальные училища. Программа обучения соответствовала курсу средней школы и длилась четыре года (с учетом подготовительного класса). При ней же существовало

Учительская семинария в нач. XX в.

начальное училище [13, с. 189]. Стипендиатами становились ученики, которые получили за экзамены средний балл не ниже «3».

По воспоминаниям одного из выпускников У. Томка, Несвижская учительская семинария выглядела так: *«За городской ратушей стоял двухэтажный дом, оштукатуренный и побеленный, с большими окнами и вывеской, на которой позолоченными буквами было написано: Учительская семинария. С 1882 г. в ее ведение властями были переданы все монастырские здания и два сада»* [17, с. 436, 437].

В семинарии были физический и природоведческий кабинеты, химическая лаборатория, актовый зал. С начала 1900-х годов здесь была образована учебная метеорологическая станция, располагавшаяся в саду внутреннего двора, где с помощью соответствующих приспособлений прово-

дились наблюдения за температурой воздуха, осадками, направлениями и скоростью ветра. Результаты исследований ежемесячно направлялись в Главную физическую обсерваторию в Санкт-Петербург. Каждый семинарист постоянно контролировался педагогами. Подробная характеристика выпускника направлялась на место его службы.

Семинария функционировала в помещениях бывшего монастыря до начала Первой мировой войны, а после окончания советско-польской войны возобновила деятельность в Несвижском дворце, владелец которого Альбрехт Радзивилл отдал для ее размещения правое замковое крыло. Костел Святого Яна и монастырь до наших дней не сохранились, так как во время Великой Отечественной войны постройки были повреждены и позднее разобраны.

Источники и литература

1. Антановіч, З. Асабісты склад Нясвіжскага мужчынскага дамініканскага кляштара паводле фармулярных спісаў рымска-каталіцкага духавенства Мінскай дзяцэзіі за 1867 г. – Нясвіж.: НГКМЗ «Нясвіж», 2015. – 320 с.
2. Баженова, О. Д. Радзивилловский Несвиж: росписи костела Божьего Тела / Ольга Баженова. – Минск: Харвест, 2010. – 414 с.
3. Габрусь, Т. Святыні ордэна прапаведнікаў // Наша вера, № 4 (26) / 2003.
4. Долбилов, М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – (Серия «HISTORIA ROSSICA») – 708 с.

5. Зянюк, Р. У. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі (1772–1914 гг.). – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 299 с., дадатак 15.
6. Колосовская, А. Н., Архитектура католических монастырей Беларуси: Доминиканский монашеский орден, Сакральная архитектура, Архитектура и строительные науки. – № 3, 4 (16, 17). – 2013.
7. Колосовская, А. Н. Архитектура доминиканского монастыря в Несвиже / А. Н. Колосовская // Наука – образованию, производству, экономике: Материалы 11-й Международной научно-технической конференции. – Т. 2. – Минск: БНТУ, 2013.
8. ЛГИА. Ф. 378. О/о. 1866. Д. 2279. С. 45.
9. НИАБ. Ф. 937. Оп. 6. Д. 107. Л. 47–48. Формулярные списки духовенства Минской римско-католической диоцезии, 1867 г.
10. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 609. Л. 97–97.
11. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Д. 294.
12. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3113. // Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии.
13. Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям: [1–9]. – Минск: типо-лит. Б. И. Соломонова, 1878–1879. – 9 т.; 21. Слуцкий уезд]. – 1879. – 274 с.
14. ПСЗРИ. – Т. 19. – С. 509. // Именной, данный генерал-майорам Каховскому и Кречетникову, с приложением наказа, по коему они должны поступать при исправлении должностей губернаторов в присоединенных от Польши губерниях, 28 мая 1772.
15. РНБ. ОР. Ф. 377. Д. 1095. С. 9–9 об.
16. РНБ. ОР. Ф. 377. Д. 1095. С. 11–11 об.
17. Савва (Тихомиров, Иван Михайлович; 1819–1896). Хроника моей жизни: Автобиографические записки

- высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: ([Ум.] [13] окт. 1896 г.). Т. 1–9. – Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898–1911. – 9 т. – Т. 7: (1883–1885 гг.). – 1907. – [4], 592, XXVI с.
18. Смоленчук, А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях, 60–70-е гг. XIX в. // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. – Т. 20. – Vilnius, 2002.
 19. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: успаміны, даследванні гісторыі і звычаяў. – Мінск: Польшмя, 1992. – 159 с.
 20. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. – Минск, 2006. – 192 с.
 21. Янушкевіч, Я. Успаміны (1805–1831) / [укл. В. В. Гарбачова]. – Мінск: Лімарыус, 2011.
 22. Beavois, D. Szkolnictwo Polskie na ziemiach Litewsko-Ruskich 1803–1832: w 2 t. – Lublin, 1991. – Т. 2: Szkoły podstawowe i srednie.
 23. Nasze kościoły: opis ilustrowany wszystkich kościołów i parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Т. 1. – Archidiecezja mohylowska. – Warszawa; Petersburg, 1913 (Petersburg: K. Piętkowski).
 24. Radwan, M. Diecezja Minska około 1830 roku. – Т. II. – Struktury zakonne. – Instytut Europy Srokowo-Wschodniej.- Lublin, 1998.
 25. Wołyniak. Spis szkół średnich zniesionych przez rząd rosyjski // *Polska w kulturze powszechnej* / red. F. Koniecznego. – Krakow, 1918.